

К. Г. Красухин

АСПЕКТЫ

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ
РЕКОНСТРУКЦИИ

Акцентология. Морфология. Синтаксис

STUDIA PHILOLOGICA

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

К. Г. Красухин

АСПЕКТЫ
ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ
РЕКОНСТРУКЦИИ

Акцентология
Морфология
Синтаксис

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

Исследование выполнено при поддержке гранта
Президента РФ
проект № 01-06-99508

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 02-04-16228

Рецензенты:

акад. РАН Ю. С. Степанов
д. ф. н. Д. И. Эдельман

Красухин К. Г.

К 78

Аспекты индоевропейской реконструкции: Акцентология. Морфология. Синтаксис / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 456 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-94457-109-8

Акцентология, морфология и синтаксис рассматриваются в монографии не по отдельности, а комплексно. Автор обращается ко многим грамматическим подсистемам: показателям глагольного залога, наклонений и времен, личным окончаниям, структуре глагольной основы, корневым именам, инфинитивам. В них обнаруживаются общие черты, причиной которых является передвижение ударения (акцента) и обусловленное им чередование гласных (аблаут). Согласно излагаемой гипотезе, вся эта общность является наследием особой аблаутно-акцентной парадигмы, ведущей свой исток из особенностей праиндоевропейского синтаксиса. Понятие аблаутно-акцентной парадигмы вводится индуктивно, после исследования значительного фрагмента грамматики, затем её черты исследуются и в других фрагментах.

Для специалистов по сравнительно-историческому и теоретическому языкознанию, морфологии, синтаксису.

81.031

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-94457-109-8

9 785944 571090

© К. Г. Красухин, 2004
© Языки славянской культуры, 2004

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
РАЗДЕЛ I. ЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА	13
Глава 1. Происхождение и развитие глагольной флексии в индоевропейских языках	14
1.1. Структура 3-го лица единственного числа глагола и соотношение индоевропейского активного и среднего залога	14
1.1.1. Общая характеристика диатезной оппозиции.....	14
1.1.2. Передвижение акцента и структура флексии	21
1.2. О системе личных показателей индоевропейского глагола	39
1.3. Плюральные формы глагола.....	67
<i>Экскурс I. Дейктические элементы в словоформе глагола..</i>	76
1.4. Элементы *-i и *-u в составе парадигмы глагольного словообразования	110
1.5. Три периода формирования индоевропейской глагольной флексии.....	113
Глава 2. Передвижение акцента в индоевропейской основе и морфологическая оппозиция атематических и тематических основ	117
2.1. Ведический нестандартный медий (происхождение и функция) и его индоевропейские аналоги.....	117
2.2. Индоевропейские и греческие перфекты	169
2.3. Тематизация основ: индоевропейский конъюнктив.	189
2.4. Тематическая гласная и тематические глаголы	206
2.5. Глагольные формы на долгий гласный.....	217
РАЗДЕЛ II. НЕЛИЧНЫЕ ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ПРОИЗВОДНЫЕ	223
Глава 1. Корневые отглагольные имена (аблаутно-акцентные модели)	224

1.1 Корневые атематические имена	224
1.2 Окситонные тематические имена.....	265
1.3 Тоновое или морфосемантическое передвижение акцента?.....	286
Глава 2. Инфинитивы, герундии, герундивы в индоевропейских языках (морфология и функция).....	298
2.1. Индоевропейские инфинитивы и близкие им формы	298
2.2. Особенности греческих инфинитивов (88)	324
<i>Экскурс II. Инфинитив и императив в греческом</i>	<i>340</i>
Заключение.....	346
Приложения	355
Косвенные падежи и причастные обороты	357
Нестандартный глагольный аблаут	375
Проблема залогов в различных лингвистических школах.....	401
Литература.....	438

ВВЕДЕНИЕ

В сравнительно-историческом языкознании уже довольно давно различаются две процедуры: непосредственное установление закономерных соответствий сравниваемых языков и их интерпретация. Ср. различие между формулой и собственно реконструкцией у Э. Германа [Hermann 1907] или между ближней и дальней реконструкцией у И. М. Тронского [1967]. Первая процедура устанавливает родственные связи сравниваемых языков или их отсутствие, вторая способствует реконструкции некоторого протосостояния языка, по времени предшествующего сравниваемым языкам и обычно не зафиксированного письменными памятниками. Иными словами, первая процедура является собственно сравнительной, вторая — сравнительно-исторической. И если целью языкового сравнения является установление той или иной лингвистической общности (генетической, типологической, ареальной), то реконструкция имеет своей целью установление базовых черт генетической общности. Опираясь на эти черты, исследователь может представить развитие родственных языков в пространстве и времени. Ясно, что представление об этом процессе напрямую зависит от предлагаемой процедуры реконструкции и от ее результатов. Соотношение «формулы» и «реконструкции» (в понимании Германа), ближней и дальней реконструкции (по Тронскому) — двустороннее. Первая предоставляет материал для второй, вторая способствует верификации первой. Из этого следует, что к методике реконструкции предъявляются совершенно особые требования: она должна быть максимально верифицирована. Поскольку же реконструкция по определению изучает незасвидетельствованные состояния, она не допускает ассерторических суждений, а только модальные. В формальной логике известен закон вероятных модусов: зная антецедент, можно высказать достоверное суждение о консеквенте; зная консеквент, можно высказать лишь вероятное суждение об антецеденте. Поэтому о

реконструируемом положении дел невозможно построить высказывание типа *Состояние А в языке В происходит из состояния А' в незасвидетельствованном языке В'*, но только *Состояние А в языке В, возможно, происходит из гипотетического состояния А' в языке В'*. Из этого следует, что главной задачей сравнительно-исторической лингвистики является повышение вероятности модальных (алетических) высказываний о прошлом. Для ее достижения используются различные методы верификации¹. Из них можно выделить следующие.

А. «Бритва Оккама». Ее классическая формулировка такова: сущности не должны умножаться без необходимости. В применении к нашему материалу это означает, что из двух теорий предпочтительнее та, которая способна дать непротиворечивое объяснение большему количеству фактов.

В. Системность реконструкции. Это требование в общем можно сформулировать так: если в подсистеме А наличествует элемент *x*, то в сходной по материальному оформлению и функции подсистеме А1 должен наличествовать аналогичный элемент *x1*. Образец системной реконструкции, как известно, впервые представил Ф. де Соссюр [1977]. Сравнивая древнеиндийские глаголы V, VII и IX классов, Соссюр поставил в строгое соответствие чередования суффиксов *-nó-* (<**-néu-*)/*-nu-* (*śṛnóti/śṛnuté*, V класс), *-nák-/nk-* (*yunákti/ yunkté*, VII класс); в сопоставлении с этим суффикс IX класса *-nâ-/ni-* (*ḡṛbhñāti/ ḡṛbhñité*) определяется как чередующий полную и нулевую ступень, причем в 0 ступени реализуется слоговой сонантический коэффициент; праформа суффикса выглядит как **-néA-/nA-*. Сопоставление этого суффикса с другими примерами чередования *a/i* в древнеиндийском и их индоевропейскими аналогами позволило Ф. де Соссюру реконструировать особый класс фонем, не известный в его время и обнаруженный полустолетием позже в расшифрованном хеттском.

С. Внимание к межуровневым связям. Языковые изменения нередко не ограничиваются одним уровнем; изменение

¹ Краткий обзор этих методов см. в работе: [Клычков 1989].

звучания часто существенно изменяет значимые элементы. Изменение раннего латинского музыкального ударения на позднее силовое привело к редукции послеударных гласных, а неустойчивость конечных согласных существенно разрушила латинскую систему флексий, что способствовало развитию романского аналитизма. И в лингвистической реконструкции особенно важен учет тех изменений, которые затрагивают несколько уровней языка.

Д. Восхождение от формы к значению. В основе корректной реконструкции должна лежать строгая формальная процедура исследования, выработанная в рамках Московской формальной (фортунаатовской) лингвистической школы. Ее суть состоит в отборе различных языковых явлений, для которых удается установить формальное тождество. Именно на основе этого установления можно говорить о развитии значений, о реконструкции семантики и функции для архетипической формы. Когда эта задача решена, тогда и можно говорить о том, что процедура реконструкции состоялась.

Именно эти обстоятельства предопределили направление исследования. О каждом языковом уровне, названном в подзаголовке, написаны объемистые монографии, и мы не ставили своей задачей охватить всю их проблематику. В предлагаемой вниманию читателя книге основное внимание уделено взаимодействию этих трех уровней.

В принципе, такой подход не нов: хорошо известно высказывание Б. Дельбрюка о том, что сегодняшняя морфология — это вчерашний синтаксис [Delbrück 1891: 90]. Действительно, многие морфологические категории имеют синтаксическое происхождение; наиболее наглядный пример — полные прилагательные в славянских языках — сперва чисто синтаксическое сочетание, ставшее затем доминирующей формой прилагательного. Связь синтаксиса и морфологии не односторонняя, и иногда морфология определяет некоторые черты синтаксиса; так, развитие притяжательных суффиксов в церковнославянском способствовало вытеснению притяжательными прилагательными притяжательных генитивов.

Акцентология и связанный с ней количественный аблаут также рассматривались с точки зрения их грамматической функции [Hirt 1900] и семантики [Барроу 1976]. Однако цельная межуровневая реконструкция пока что не создана. В последнее время возникла тенденция рассматривать индоевропейское ударение изолированно, вне связи не только с морфологией, но и с количественным аблаутом. Она связана с так называемой тоновой гипотезой — представлением о том, что место ударения в слове определяется по преимуществу тоном морфемы [Дыбо 1981; 1999; Lubotski 1988; Hock 1993]. С такой точки зрения ударение рассматривается как музыкальное и не обусловленное ни морфологией, ни семантикой слова. Но этому противоречат многочисленные морфологические и семантические оппозиции слов, различающихся только ударением.

Во многих работах, посвященных индоевропейскому аблауту и акценту, подчеркивается исторически изменчивый характер ударения в праиндоевропейском языковом состоянии: раннее ударение было силовым, позднее — музыкальным [Гамкрелдзе — Иванов 1984: 253; Fulk 1986]. Для дальнейшего исследования сформулируем те положения, которые можно считать аксиоматическими. 1. Раннеиндоевропейское ударение носило морфосинтаксический характер. Передвижение акцента происходило не произвольно, а несло несомненные семантические и грамматические функции. 2. Редукция и синкопа безударных подчинялась лингвотехническим закономерностям: корни структуры CRC (C — шумный согласный, R — сонорный, «тяжелые» основы) в безударной позиции развивали 0 ступень вокализма. «Легкие» же основы структуры CR и особенно CC образовывали 0 ступень, как правило, только когда сочетались еще с одной морфемой. Ср. др.-инд. *pat* ‘нога’ — род. п. *padāh* — *urābdah* (< -pdó-) ‘шум’ (< ‘то, что под ногами’); греч. *έχω* ‘иметь’ — аорист *έσχω*, *πέτομαι* ‘лететь’ — *έπτομην*. 3. В выравнивании основ сыграло роль и давление системы. В именном склонении действует тенденция к унификации основы, в образовании времен — поляризация презентных и аористных баз; производное слово, сильно отошедшее от первичного по значению,

легко расходуется с ним и по форме. 4. Каждая основа знаменательного слова в праиндоевропейском имела вокальный ауслат. В безударном положении он синкопировался, в ударном — реализовался как тематический гласный. Иными словами, атематические имена и глаголы восходят к изначально баритонным словоформам, а тематические — к окситонным². 5. Там, где невозможна 0 ступень вокализма, редукция гласных могла воплощаться в изменении тембра $SeCé > CoCé$ [Kuryłowicz 1968]. 6. Переход безударного *e* в *o* мог иметь место и в позднем индоевропейском, когда динамический компонент ударения был в значительной мере утрачен.

* * *

Исследования в области индоевропейской морфологии и синтаксиса были мной начаты в середине 80-х гг. под руководством одного из крупнейших российских компаративистов — профессора Олега Сергеевича Широкова (1927—1997). Ученик замечательных лингвистов М. Н. Петерсона и Б. А. Серебrenникова, Олег Сергеевич унаследовал от своих учителей широту научного кругозора и стремление к строгим методам исследования. Ему принадлежит первоначальная формулировка положения об аналогии между передвижением акцента в различных морфологических подсистемах индоевропейских языков; проще говоря, ударность окончаний родительного падежа и среднего залога и их противопоставление безударной флексии номинатива и активного залога обусловлены сходными причинами [Широков 1981]. И в самом деле, обращение к аблаутно-акцентным процессам позволяет реконструировать индоевропейскую морфологию, а отчасти и синтаксис на единых основаниях.

² К. Уоткинс [Watkins 1969: 40—45] и Дж. Ясанов [Jasanoff 1998: 303—304] полагают, что тематический гласный был самостоятельным суффиксом. Уоткинс определяет его первичное значение как нулевое, что довольно сомнительно. По мнению же Ясанова, тематический гласный образует так называемый «протомедий» (protomiddle), т. е. глагольную форму со значением статива, бенефактива, неконтролируемого процесса, из которой развиваются как обычный медий, так и перфект.

Работа эта продолжалась в Отделе теоретического языкознания, руководимом Юрием Сергеевичем Степановым. Сам Ю. С. Степанов в конце 80-х гг. занимался проблемами индоевропейского синтаксиса, рассматривавшегося им весьма широко, с привлечением современных морфологических и семантических теорий. Обсуждение основных проблем морфологии позволило уточнить многие положения моей работы. Необычайно полезны для меня были и контакты с Энвером Ахмедовичем Макаевым, всегда учившим максимальной осторожности и филологической акрибии. Я также с благодарностью вспоминаю выдающегося тюрколога Нинель Зейналовну Гаджиеву (1925—1991), побуждавшую своих коллег создавать обобщающие работы по исторической грамматике различных языков и языковых групп. Хотелось бы также поблагодарить Н. Н. Казанского, М. М. Маковского, В. К. Журавлева, В. П. Нерознака, Ю. В. Откупщикова, Г. Надя, К. Уоткинса, Дж. Ясанова, Б. Дринку за плодотворные дискуссии о многих затронутых в данной книге проблемах.

Стипендия фонда IREX позволила мне осенью 1995 г. поработать в библиотеке Гарвардского университета, ознакомиться с рядом недоступных в Москве работ. В частности, именно там мне удалось прочесть основные исследования, принадлежащие к Эрлангенской акцентологической школе. Степень схождения и расхождения ее идей с теорией аблаутно-акцентной парадигмы была затем рассмотрена в статье [Красухин 1998]; дополненный и расширенный раздел из нее включен в настоящую книгу. В дальнейшем исследование было поддержано грантом Президента РФ для молодых докторов наук (проект 01-06-99508 = МД-319.2003.06). Книга издается при поддержке РГНФ.

РАЗДЕЛ I

ЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ФЛЕКСИИ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

1.1. Структура 3-го лица единственного числа глагола и соотношение индоевропейского активного и среднего залога

1.1.1. Общая характеристика диатезной оппозиции

В грамматике Дионисия Фракийца названо три залога греческого глагола: действительный (*ἐνεργητικός*), страдательный (*παθητικός*) и средний (*μέσος*). Эти наименования прочно вошли в европейскую лингвистику. Семантика первых двух залогов в общем соответствует их названиям: действительный или активный залог показывает, что субъект совершает действие; страдательный или пассивный — субъект претерпевает действие, произведенное вне его; семантика же медиа в греческом не поддается однозначному определению. Поэтому греческая грамматическая традиция и выработала не вполне определенный термин «средний» (между активом и пассивом) залог.

Более адекватная классификация залогов была дана в древнеиндийской грамматической традиции. Со времен Панини (IV—III вв. до н. э.) глагольный залог описывался как противопоставление действия, направленного не на его субъект (*parasmaipada* — дословно ‘другому — шаг’) и действия, направленного на субъект (*atmanepada* — ‘себе — шаг’). Именно в этом духе рассматривает глагольную диатезу современное сравнительно-историческое языкознание. Сравним такие пары, как греческое *λούει* ‘моет’ — *λούεται* ‘моется’, весьма распространенное в над-

гробных надписях *ἐποίησατο* 'сделал себе' (имеется в виду гробница), скр. *uájati* 'приносит жертву', *uájate* 'приносит в жертву', первый глагол о жреце (лицо незаинтересованное), второй — о заинтересованном лице (аналогично греческое *ῥύει — ῥύεται*) [Семереньи 1980: 270].

В языкознании давно сложилось мнение о том, что медий есть категория, производная от актива, обозначающая самонаправленность действия [Мейе 1936: 305; Шантрэн 1955: 151; Бенвенист 1974] или, выражаясь несколько иначе, центростремительная (субъектная) версия глагола [Климов 1977: 270; Перельмутер 1977: 202].

Особую сложность представляет вопрос о происхождении медиа. В последние 70 лет появилась новая точка зрения на этот вопрос, связанная с исследованиями Х. Педерсена, Е. Куриловича, Хр. Станга. Эти ученые установили, что наиболее древняя индоевропейская оппозиция в глаголе разделяла категорию действия (породившую ведийский инъюнктив, затем — аорист и презенс) и категорию состояния (предтеча перфекта). Медиальный залог был объяснен как внедрение категории перфекта в презентно-аористную систему. Такая реконструкция основана на близости личных окончаний медиа и перфекта. Усилия исследователей были направлены также на то, чтобы вскрыть процесс преобразования перфекта в медий. Хр. Станг предположил существование двух диатез: презентно-аористной и перфектной, каждая из которых могла иметь настоящее время [Stang 1932]. Презенс перфектной диатезы в конечном итоге и сформировал медий, получив прочную корреляцию с активным презенсом. Перестройка системы глагола была столь радикальна, что в древнегреческом и санскрите образовалась новая категория: медиальный перфект. Следы архаической перфектной диатезы Станг видел в вед. *śáue* = греч. *κεῖται*, в претерите типа *áduha* (-а < перф. *e), а также в спряжении на *hi* в хетт. Развивая мысли Хр. Станга, Я. Сафаревич указывал на категорию, непосредственно отражающую и.-е. перфекто-презенс: латинский перфект [Safarewicz 1967]. Развитие перфекто-презенса и аориста-пре-

зенса шло так: и там, и там окончание могло иметь элемент *i* в своей структуре; формы без *i* более древние:

*-m	*-mi	*-ha	*-hai	-i
*-s	*-si	*-tha	*-thai	(-is)-ti
*-t	*-ti	*-e	*-ei	-i(t)

(латинский перфект)

Свидетельство того, что латинское 3 л. перфекта могло отражать и.-е. *-ei можно найти в др.-лат. формах: *fuveid*, *adieid* (где -d заимствовано у обычных претеритов, ср. др.-лат. *fhe*: *fhaked*, *feked*). Элемент *i* не имел вначале ни презентного, ни перфектного значения (о нем см. ниже), но, возникнув в перфекте, он перешел на презенс и породил медиальные окончания типа греч. *-μαι*, *-σαι*, *-ται*, *-υται*, скр. *-e*, *-se*, *-te*, *-nte*; -а есть показатель влияния перфекта: воздействие флексий *-ha*, *-tha* на *-m*, *-s*, *-t* привело к формам *-ma-*, *-sa-*, *-ta-*.

Е. Курилович и К. Уоткинс также выводят медий из перфекта. Однако Е. Курилович полагает [Kuryłowicz 1964, гл. II], что медиопассив есть непосредственное продолжение перфекта в презенсе, причем пассивная семантика по отношению к медиальной является первичной, так как категория состояния должна сначала привести к пассивной семантике. Согласно его концепции, в индоевропейском глаголе наиболее архаичной была оппозиция актив: пассив. Пассив разворачивается затем в перфект, противостоящий презенсу-аористу, и в медий, выражавший пассивную диатезу в презентно-аористной системе (ср. «перфектная диатеза в презенсе» у Станга). Следовательно, древнейшее значение медия по Куриловичу — пассив. Но эта точка зрения не находит поддержки у других исследователей. Так, Э. Ной решительно высказался в пользу первичности медия, который с его точки зрения есть нечто среднее между активом и перфектом [Neu 1976: 250—251]. Процесс образования среднего залога Э. Ной реконструирует в общем так же, как Хр. Станг и Я. Сафаревич. К. Уоткинс вслед за Е. Куриловичем сконцентри-

ровал внимание на 3 л. перфекта *-е. Это окончание, являясь по сути нулевым, породило перфект, медий и тематическое спряжение [Watkins 1969: с. 111]. Весьма решительно высказался в пользу связи медия с перфектом А. Н. Савченко: по его мнению, первичное значение медия — состояние, значение же действия, направленного на субъект, — вторично. Эта точка зрения подкреплена анализом семантики некоторых гомеровских и ведийских глаголов типа *véμω — véμομαι*, где медиальный залог обозначал непереходное действие, а актив — переходное, нередко каузативное к медию [Савченко 1964].

Но семантическая оппозиция актив-медий не может быть сведена только к переходности — непереходности. Поэтому необходимо рассмотреть существующие классификации медия.

Э. Швицер, рассматривая глагольную диатезу в греческом, устанавливает следующие семантические оттенки в употреблении медия.

1. Непереходность при переходном активе: *véμω* 'делить' — *véμομαι* 'обитать, жить'; *κλίνω* 'гнуть' — *κλίνομαι* 'приклоняться' (значение, близкое к рефлексиву); актив может выступать в качестве каузатива к медию: *παύω* 'прекращать' — *παύομαι* 'переставать'.

2. Медий в значении *atmanepada* (некоторые примеры см. выше), к этой же категории относится и средний залог с посессивным значением: γ 492 *ἵππους δ' ἐξεύγυντο* 'они запрягали своих лошадей'.

3. Медий с итеративно-усилительным значением (ср. рус. прохаживаться): *πολιτεύομαι* 'быть деятельным, активным гражданином'.

4. В оппозиции *νήχω — νήχομαι* Швицер видит различие в охвате субъектом среды (сферы действия): *νήχω* 'плавать' вообще, *νήχομαι* — речь идет о водных животных. Реципрокальный (взаимный) медий: *ἐρίζομαι, πικτεύομαι* 'ссориться'.

6. Диатеза, зависящая от префикса: *ἔπομαι — μετάσπων* 'следовать'.

7. В некоторых случаях, по мнению Швицера, медий является первичным по отношению к активу, так как наиболее арха-

ичные формы имеют непереходные значения: *ἵσταμαι* — *ἵστημι*, *ἄλλυμαι* — *ἄλλυμι*. Это очевидно для непрезентных основ; развитие переходного значения в презенсе может быть вторичным: *ἔστην* — *ἔστησα*, *ὄλωλα* — *ὄλώληκα*.

8. Наконец, медий может не иметь существенных отличий от актива: *οἶω* — *οἶομαι*, *ἔφη* — *ἔφατο*. Ряд непереходных глаголов со значением телесной функции составляют немногочисленную группу *activa tantum*: *τρέχω*, *βαίνω*, *ἐθέλω*. Другие глаголы со значением телесной функции, но без активного оттенка, являются *media tantum*: *κείμαι*, *ἦμαι*; активный по значению, но медиальный по форме *ἄλλομαι*. К *media tantum* относятся также некоторые *verba affectuum* [Schwyzer 1939]. Отношения между активными и медиальными формами могут быть самыми разнообразными. Иногда эта оппозиция может получить лексический характер: *σβέννυμι* ‘гасить’ — *σβέννυμαι* ‘гаснуть’. Эти соотношения подробно рассмотрены с позиций функциональной грамматики И. А. Перельмутером [Перельмутер 1977: 171].

Классификация Ж. Одри во многом совпадает с классификацией Э. Швицера. Для и.-е. медиопассива исследователь устанавливает пять медиальных значений и пассив — шестое (медий: усилительный, рефлексивный, реципрока, медий заинтересованности, посессивный [Haudry 1986: 70—71]). Следует заметить, что активные по форме глаголы в зависимости от контекста могут приобретать значение, близкое к медиальному: у Гомера N 679 *ἀλλ' ἔχεν, ἧ τὰ πρῶτα πύλας καὶ τεῖχος ἐσῆλτο* ‘но он стоял там, где сначала перешел ворота и стену’; τ 38 *εἰλάτιναι τε δοκοὶ καὶ κίονες ὕψος ἔχοντες* ‘еловые подпорки и держащиеся в высоте столбы’. Активный по форме глагол *ἔχω* здесь переводится ‘стоять, держаться’; в других случаях это значение выражено медиальным *ἔχομαι*. Сходным образом глагол *ποιέω* ‘делать’ непереходен в выражении *εὖ, κακῶς ποιεῖν* ‘хорошо, плохо себя чувствовать’; *διαφέρω* ‘разносить в разные стороны, различать’ — *οὐδὲν διαφέρει* ‘не различается’; *βάλλω* ‘бросать’ — Λ 772 *ἔστί καὶ ποταμὸς Μηνυέος εἰς ἄλλα βάλλων* ‘есть и река Мениэй, впадающая (= бросающаяся) в море’. Переходность и непереходность глагола зависит прежде всего от синтаксического контекста, когда аккуза-

тив прямого объекта присутствует или отсутствует (вместо него может стоять аккузатив предела, о чем см. гл. 2) (ср. [Margulies 1930]). Ср. также: *αἴρω* ‘отправлять’ и ‘поднимать, уходить’, *χαλάω* ‘распускать, развязывать’ и ‘ослабевать’. В ряде случаев диатезную амбивалентность глагола можно проецировать на праязыковой уровень. Глагол *κάμνω* имеет два значения: ‘делать, творить’ и ‘уставать’. В IV в. до н. э. он использовался преимущественно во втором значении; в гомеровском преимущественно, а в новогреческом обязательно в первом (обычно в измененной форме *κάνω*). Семантика однокоренного скр. глагола способна прояснить развитие греч. *κάμνω*: др.-инд. *śamyati* в зависимости от контекста означает ‘делать, работать, трудиться; уставать’. Таким образом, не только медиальные глаголы могут иметь значение, близкое к активу, но и активные глаголы — значение, близкое к медию. Это лишний раз доказывает, что любая лингвистическая оппозиция не может быть абсолютной.

Здесь уместно вспомнить замечание А. Ф. Лосева о том, что никакая классификация значений грамматической формы в языке не может охватить всех особенностей ее употребления в текстах. Обращаясь к категории залога, исследователь находит здесь случаи, классификации не поддающиеся: *λανθάνω* — ‘я скрыт’, *θαυμάζω τι* ‘удивляюсь чему-либо’, — по смыслу здесь, казалось бы, должен быть медию. А. Ф. Лосев ставит задачу — нахождение такой общей функции для грамматической категории, которая могла бы развернуться в бесконечное множество значений [Лосев 1983: 183]. Подобные задачи, как известно, успешно решает фонология, имеющая дело с бесконечной вариантностью звука в потоке речи, а с другой стороны — с инвариантностью фонемы, заданной пучком дифференциальных признаков (ДП).

Представляется, что в исследовании глагольных залогов эту задачу успешно решил А. Эрхарт. Для характеристики глагольного действия ученый избрал три ДП: прогрессивность (похождение действия от субъекта — Р), регрессивность (воздействие на субъект — R) и трансгрессивность (переходность — Т). ДП могут наличествовать и отсутствовать. В классификации А. Эрхар-

та медий может быть PTR (*λόομαι τὰς χεῖρας*) т. е. посессивный или медий заинтересованного лица — по Швицеру и Одри; PR (рефлексив), который переходит в пассив OR и затем — в статив, абстрактное действие, не маркированное ни одним из ДП. Статив может быть выражен с помощью активных или рефлексивных показателей: рус. 'смеяться' — нем. lachen. Пассив может утрачивать регрессивную семантику и превращаться в статив OR > O, ср. чеш. *dopis je psan* 'письмо пишется' — *dopis je napsan* 'письмо написано' [Erhart 1981]. Разработанная А. Эрхартом идеальная модель глагольной диатезы и ее преломление в индоевропейских языках позволяет наиболее адекватно описать эту грамматическую категорию.

В позднейшей своей книге [Erhart 1989] А. Эрхарт несколько видоизменяет и расширяет набор ДП. В систему залогов включаются: актив (прогрессив), пассив (регрессив) и три вида медия: прямой рефлексив (*мальчик моется*), реципрок (*мальчики моют друг друга*) и непрямого рефлексив, или косвенно-возвратный залог (*мальчик моет себе руки*), допускающий при глаголе прямой объект. Различие трех видов медия, сочетающихся в своей грамме ДП прогрессивности и регрессивности, осуществляется посредством введения дополнительного ДП интро-вертности. Тогда глагольные диатезы получают следующее описание: актив: +pg, -rg, возможно +tg, -it; прямо-возвратный медий: +pg, +rg, -tg, (+it) (скобки обозначают избыточность признака); реципрок +pg" +rg" +tg, +it; косвенно-возвратный медий: +pg, +rg, +tg, -it; пассив: -pg, -rg, -tg, -it³ статив: -ps, -rg, -tg, (+it).

³ Пассиву с аукториальным падежом можно приписать ДП +tg, так как при нем присутствуют и агенс, и пациенс. Но глубоко прав Е. Курилович, назвав аукториальный пассив стилистическим вариантом актива. В этой связи отметим, что пассивные конструкции вместо активных — характерная черта позднего санскрита: в «Махабхарате» в качестве связующего элемента в тексте выступает формула X uvāsa 'X сказал', в «Двадцати пяти рассказах Веталы» — *tena uktam* 'им сказано'. См. подробнее: [Hartmann 1955].

Попутно заметим, что особое значение косвенно-возвратному медию придает И. А. Перельмутер; по его мнению, это, возможно, самая архаическая функция как медиа, так и рефлексива с возвратным местоимением. Из нее развилась экспрессивная функция, возможно — и прямо-возвратная [Перельмутер 1984; 1993]. Возражая И. А. Перельмутеру, А. Н. Савченко показал, что в древнерусских памятниках, в частности, в «Повести временных лет» преобладающая функция глаголов на *-сѧ* — прямая возвратность [Савченко 1986]. С нашей точки зрения, определение первичности прямой или косвенной возвратности у индоевропейского медиа на **-to* невозможно, а может быть, и не нужно. Скорее всего эта форма выражала оба значения, выступавшие как варианты при инварианте: «действие, совершенное субъектом для себя».

Итак, поскольку крито-микенский является наиболее древним из всех греческих диалектов, флексию *-toi* следует считать первичной [Ventris, Chadwick 1956: 351; Palmer 1964], постулируя ее и для индо-иранских языков. Тем самым «первичные» (презентные) окончания медиа в греко-арийском ареале оказываются тесно связанными с «вторичными» (*-so, -to*). В графическом изображении структура 3 л. ед. ч. в указанных языках может быть представлена так: *-t / -to -ti / -toi, -o* указывает на медиальность, *-i* — на презентность. Формы же *-ai* — более позднего происхождения.

1.1.2. Передвижение акцента и структура флексии

Еще в начале века Г. Хирт [Hirt 1907: 56] обратил внимание на то, что аблаут *-s / -so, -t / -to* вызван смещением акцента, о чем неопровержимо свидетельствует германская форма 3 л. ед. ч. медиопассива типа гот. *-da*, восстанавливаемая для прагерманского по закону Вернера как *-tó*. В ведийском медиальном презенсе ударение стоит также на окончании: *dégdhi* — *digdhé, śrnóti* — *śrnuté*. Простое объяснение получает корневой аблаут

в греч. и скр. глаголах: *dádhati* — *ádhita*, *dádati* — *áditá*, греч. ἔδθη-κα — ἔδθη-το (с иммобилизацией ударения в греческом); в ведийском ударение стояло на слоге полной ступени. Сосуществование неаблаутного -t и аблаутного -tó подтверждается данными многих индоевропейских языков: в хет. 3 л. ед. ч. медиопассива -ta (с факультативным *ti* в презенсе), -t (3 л. претерита); со сходным расширителем -r см. фриг. -τορ, возможно, и тох. -tär, -trä⁴. Во всех этих языках наличествует и простое -t.

Однако в диахроническом исследовании было бы методологической ошибкой отталкиваться только от синхронной семантики грамматической формы, объявив одно из ее значений первичным, тем более, когда речь идет о таком сложном явлении как и.-е. медий. Задачей исследователя является анализ и реконструкция формы, которая, будучи проанализирована логически и исторически, должна привести к значению.

Как отмечалось, по мнению многих исследователей, элемент *a, наличествующий в перф. флексии *-ha, воспринимаемый как показатель перфектной диатезы, сформировал медиальные окончания *(m)- ai, *-sai, *-tai, к которым восходят скр. -e, -se, -te, греч. -μαι, -σαι, -ται⁵. Однако флексия в санскрите мо-

⁴ К. Х. Шмидт [Schmidt 1963: 266] считает, что указанные окончания, а также д.-ирл. -thar, итал. -tur восходят к архетипу — *tro; представляется, однако, что это может быть верным в отношении тох., но не фриг., который не знал подобных метатез; вероятно, окончание медия на *-tr-сформировалось из суфф. -to + -ro; т. о. -tor и -tro соотносятся по принципу подвижного аблаута (Schwebeablaut).

⁵ Впервые предположил исконность окончания -toi в греческом М. С. Руйперес [Ruiperez 1952] именно на основании соотношения -t; -ti, = -to; -toi. Дешифровка линейного В письма подтвердила архаичность данной флексии [Ventris, Chadwick 1973: 203]. Против этой реконструкции выступил Э. Ной [Neu 1967; 1968; 1976]. С его точки зрения тембр о характеризовал исконные окончания перфекта: *-ho, *-tho, *-o; затем, когда в презентно-аористной системе возникла оппозиция презенса / непрезенса, выраженная окончанием -i (и его отсутствием), под ее влиянием сформировалась оппозиция презентного / непрезентного перфекта. Последний выражался флексиями с тембром а, неизвестно откуда возникшим: *-ha; *-tha. К презентному перфекту присоединилась частица *-i; в

жет восходить также к прототипу *-soi, *-toi; вариант с -o- зафиксирован в ахейских (аркадском и кипрском) диалектах греческого, а также в близкородственном им крито-микенском (e-u-ke-to — арк. εὔχετοί).

Простая и, на наш взгляд, весьма убедительная идея связи окончания в 3 л. активного и среднего залога не нашла поддержки у многих ученых. Так, К. Уоткинс описывает процесс формирования 3 л. следующим образом. По его мнению, 3 л., будучи безусловно именным в основе (и первичным для глагольного спряжения), возникло в результате переразложения: *nek^u-t (дeterminатив, по определению Уоткинса, «избыточный суффикс») — Ø (окончание) [Watkins 1969: 50]. Для нулевого окончания 3 л. существуют широкие типологические параллели; в индоевропейских оно засвидетельствовано в перфектной серии

результате контаминации с активным *-s, *-t возникли окончания *-sai, *-tai, тогда как непрезентный перфект, контаминировав с активом, дал окончания *-so, *-to. «Ахейское» -toi Ной считает результатом последовательного сужения гласных: кипрское kenoitu (γενοίτη = γενοίτο 'пусть бы появился'), аркад. ωνησαιτη (ωνησαιτο 'они были полезны'). В других диалектах гласные сузились, переходя в передний ряд: -ιη, -υη, -τει, -υτει (= -tai, -υtai).

Эти аргументы не выглядят убедительными по следующим причинам.

1. Окончание 3 л. перфекта выглядело как -e; флексия -o (например в хеттском медиальном презенсе глаголов на ~hi) является его апофоническим вариантом, без каких-либо семантических различий.
2. Гипотеза Ноя строится на аксиоме о том, что -to и -tai есть результат скрещивания, что вовсе не очевидно.
3. Сужение o > u действительно имеет место в ахейских диалектах, ср. apo > aptu (и микенский префикс ари-), но стяжение ai > oi не зафиксировано: в кипрском презенс медиа выглядит как -ta-i, в аркадском известен инфинитив -σαι, -σαι, тогда как согласно Нюю следовало бы ожидать суффиксов *-soi, *-soi.
4. В других фонологических системах переход o > u вовсе не предполагает дальнейшего процесса сужения a > o, ср. лат. lupus из lupos, но aquae (род. и дат. п.) из *aquaī.

Таким образом, древность флексии -toi можно считать строго доказанной.

[Watkins 1963; Бенвенист 1974⁶]; также в древнехет. *kiia*, этимологически сопоставимым с вышеупомянутым вед. *śáye* (если это только не *ghost-word*, как считает К. Дж. Мельчерт [Melchert 1987]); окончание греч. тематических глаголов *-ei* состоит из собственно тематической гласной и особого показателя *-i*, о котором речь ниже⁷. Суффикс (точнее, детерминатив) **-t* Уоткинс находит в лат. *sacerdos*, д.-сакс. *dot*, д.-в.-н. *tot*. Однако здесь необходимо сделать небольшое замечание: у нас нет уверенности в том, что в латинском *-dot-* — отражен архетип **dhot-*, а не **dhoti-*; в архаической латыни наличествуют формы род. п. мн. ч *sacerdoti-um*. Суффикс *-ti-* в латинском языке продуктивен, когда имеет приращение *-op-*; в чистом виде он встречается редко в архаических образованиях типа *fors*, *fortis* (ср. скр. *bhtís*). Однако существует класс отглагольных имен, маркированный суффиксом *-t*, ср. греч. *πλανάω* 'бродить' — *πλανής* 'бродяга'; др.-инд. *śṛṇóti* 'слышать' — *devaśrút* 'слышающий бога', *kṛṇóti* 'сделать' — *iṣukṛt* 'сраженный стрелой'. Формы на *-t* почти всегда указывают на деятеля, за исключением сохраненной Гезихием глоссы *δός, δότης* 'подарок'. Видимо, суффикс *-t* изначально подчеркивал агентивность корня, и определять его как совершенно асемантический не вполне корректно. В качестве детерминатива он присутствует в вед. *yákṛt* 'печень'.

Переразложение основы превратило данный суффикс в окончание. Медиальное же окончание возникло из скрещения данного активного *-t* с «исконно медиальным» *-o*. Здесь К. Уоткинс следует за Е. Куриловичем, который полагал следующее [Kuryłowicz 1956; 1964: 60, 64]: медиопассив, происходя из пер-

⁶ Иногда это явление — 0 окончание 3 л. глагола — объясняют «законом Уоткинса» [Collinge 1997]. В этом вопросе, очевидно, приоритет принадлежит все-таки Бенвенисту, так как именно он сформулировал оппозицию 1 и 2 л. как собственно лиц и 3-го — «не-лица». Заслуга Уоткинса — применение общего принципа Бенвениста к индоевропейскому материалу.

⁷ Иначе у В. И. Георгиева [Georgiev 1975: 7—10], где греч. *-ei* признается исконным (см. ниже).

фекта, изменил как семантику его, так и окончание; проекция перфекта на презенс в плане семантическом дала пассив, в плане же морфологическом — окончание -o. С точки зрения Куриловича, и. -e. /o/, являясь производным от /e/, маркирует производные имена. Синхронически расчленение -to на -t + -o вполне обосновано, но в диахроническом плане сомнительно: если -o есть древнейшее окончание медиа, то -t скорее всего присоединилось бы к нему, а не стало впереди него, т. е. сформировалось бы окончание *-ot⁸. Именно такую форму находим в ведийском претеритальном медиопассиве áduha-t (наряду с брахманическим áduha) '(корова) доилась', а также хетт. kisa-t 'он стал, делался' и некоторых других глагольных формах. Поэтому гипотеза Г. Хирта представляется более правдоподобной, тем более, что она подтверждается германскими и ведийскими данными.

Однако почти никто не попытался объяснить морфологическую природу передвижения акцента, объяснение же самого Г. Хирта в достаточной степени натянуто: по его мнению, первична форма с полной ступенью флексии; перенос акцента на начало слова произошел благодаря присоединению к глаголу префиксов, что мотивируется германскими, балтийским и славянским префиксальным способом образования глагольных видов. Виды же могли войти во временную систему (так, презенс совершенного вида в современных славянских языках развился в футурум, перфективное образование с префиксом в немецком превратилось в претерит [Hirt 1907: 67]). Однако залоговая оппозиция не выражалась с помощью префиксов; мало что дает и сопоставление с кельтской корреляцией абсолютного и связного спряжения: она отражает чередование *-t / -ti, не имеющее отношение к фонетической редукции безударного гласного.

⁸ Ср. [Гамкрелидзе—Иванов 1984: 273], где аффикс *-t назван «маркером инактивного класса», т. к. он присутствует в гетероклитической парадигме; однако же эта парадигма оказывается связанной с суф. at, маркирующим активный класс! Ввиду такой противоречивости лучше признать за суф. t значение простого детерминатива.

Научное издание

Константин Геннадьевич Красухин

АСПЕКТЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Акцентология. Морфология. Синтаксис

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление переплета

С. Жигалкина и Ю. Саевича

Оригинал-макет подготовила И. Богатырева

Подписано в печать 16.01.2004. Формат 60×90 1/16.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. печ. л. 20,5. Заказ № 1157.

Издательство «Языки славянской культуры».

ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: Lrc@comtv.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-press.ru>

<http://www.lrc-mik.narod.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».

Тел.: (095) 247-17-57, e-mail: gnoxis@pochta.ru

Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.

(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this publication

by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru

or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).

ГП Псковской области

«Великолукская городская типография»

Комитета по средствам массовой информации.

182100, Великие Луки, ул. Полиграфистов, 78/12

Тел./факс (811-53) 3-62-95

E-mail: VTL@MART.RU